

статей, так и в виде самостоятельных позиций. Здесь читатель нередко может почерпнуть интересную и свежую информацию, в частности о субстратной топонимике, ср. например *Книшава*, название части горного массива Рила и Родоп (с. 498).

Этимологическая часть словарных статей, хотя и представляет в ряде случаев определенный прогресс после словаря С. Младенова 1941 г., все же выполнена несколько бегло. Некоторые проблемы по-прежнему будут дожидаться своего решения либо уже сейчас должны рассматриваться иначе. Возьмем один, но достаточно показательный и крупный пример, в котором как бы сталкиваются два наиболее характерных аспекта болгарской этимологии — собственно славянский и балканский. Это болг. *кѡпиле*, *кѡпеле* 'внебрачный ребенок', (диал.) 'мальчик', 'парень'. По мнению составителей (с. 614), «слово не имеет точно установленной этимологии». Приводится сравнение с сербохорв. *кѡпил*, *кѡпѣле* 'внебрачный ребенок', алб. *kopill*, *korilj* 'подросток, слуга', рум. *copil* 'внебрачный ребенок', тур. *kopil* 'буян, проказник', укр. *кѡпил* 'незаконнорожденный'. Сам подбор соответствий говорит, что слово понимается как заимствование. Еще Миклошич думал, что болг. слово заимствовано из албанского. Бернекер, как и многие другие, считал первоначальным значение 'незаконнорожденный ребенок'. Изошренность существующих этимологий, их многочисленность вместе с их малой эффективностью приводит некоторых к выводу о неясности происхождения слова. Не более убедительны попытки возложить ответственность за возникновение слова на иллиро-фракийский субстрат (Скок) или даже на неиндоевропейский (Оштир); не забыта и балканороманская версия (Шюц); равно как и греческая, и румынская, а также турецкая. И это далеко не полный перечень, см. подробнее, с литературой, на с. 614—615. Репутация балканского происхождения была у этого слова настолько прочной, что никто и не подумал об исконнославянском происхождении. Только Младенов высказал догадку (впрочем, очень отвлеченную), что это слово образовано на славянской почве от и.-е. **(s)kap-* 'создавать'. Ограничение балканским аспектом и сосредоточенность внимания исследователей на значении 'внебрачный ребенок' при проверке, однако, оказывается лишь произвольным выбором, потому что ни указанный ареал, ни данное значение не могут считаться здесь первоначальными. Странно, что здесь не упомянуто рус. *копѣл* 'стояк, подпорка', не имеющие ничего общего с балканским ареалом и вместе с тем старое, отраженное в старой восточнославянской топонимии (*Копыл*, *Копыль*, местное название в Минской области, с XIV в., *Копыль*, старое название города Славянска-на-Кубани). Связь русского слова с болгарским несомненна; если в русском значение 'побочный отросток' только угадывается, то в болгарском оно совершенно очевидно, и если существующие этимологии обходят его, тем хуже для этих этимологий. Ср. болг. диал. 'побочный початок кукурузы', особенно *кѡпило* 'отросток кукурузы, который *вырывается*, поскольку в гнезде их несколько' (с. 613 Словаря). Здесь по сути уже содержится *figura etymologica*, которая побуждает нас к простому и реальному объяснению (вопреки Фасмеру и Преображенскому) на славянской почве: **koryulь* 'то, что отсекается' < **korati*, здесь 'рубить'. В земледелии и садоводстве побочные побеги всегда без колебания отсекались как ненужные и даже вредные; на ребенка, рожденного вне брака, это название было перенесено лишь вторично. Только после этого метонимического переноса началась собственно балканская карьера славянского слова, попавшего и в румынский, и в албанский (но не наоборот!).

О. Н. Трубочев

В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. III (S—T'). Л., 1979.

Первые два тома этого словаря давно поступили в научный оборот и являются едва ли не самой заметной публикацией в этимологической пранистике последних десятилетий. К ним прибавился теперь третий том, с выходом которого словарь значительно приблизился к своему завершению. Выдаю-

щиеся особенности этого труда достаточно широко известны, что освобождает от необходимости всесторонней его характеристики, да это было бы и затруднительно для рецензента-ираниста. Отказавшись поэтому и на сей раз от пространной традиционной рецензии (ср. аналогичную нашу рецензию на т. II, — ВЯ 1975, № 1, с. 131—135), изберем более целесообразный метод «замечаний на полях» при чтении, специально выделяя вопросы славянской и индоевропейской этимологии и реконструкции. Свои замечания просим рассценивать как дань уважения автору, который в 1980 г. встречает свое восьмидесятилетие.

Надо сказать, что славянский и особенно русский сравнительный лексический материал играет решающую роль в аргументации В. И. Абаева, особенно в неясных случаях, как со словом осет. *sak'ex* 'шаг' (с. 25), которое он пытается объяснить из **šag-k'ex* 'шаг ноги', «где первая часть сооставима с рус. *шаг*». Неясен при этом возраст предполагаемого осетинского образования, поскольку надо иметь в виду, что рус. *шаг* — из первоначального *сгг < праслав. *сггь.

В свою очередь иранский, осетинский материал нередко привлекается для прояснения неясной части русской, главным образом диалектной лексики, хотя по понятным соображениям обращаться к этому лучше не сразу, а лишь после анализа внутренних возможностей. Так, дигорское *satar kænun* 'промаывать, растрчивать, разбазаривать' (с. 40), а также его источник — тюрк. *satar*, *sat* — 'продавать' усматривается также в рус. диал. *засатарить* 'задевать, засунуть не помня куда'. Однако слово распространено и в других частях русской территории, ср. у Даля (и у автора) *засаторить* 'затерять, запропасть'. Слово это в общем этимологически ясно (несмотря на фасмеровскую резнигаию: <unkla>, цитируемую В. И. Абаевым). Мы видим здесь исконнорусское сложение с приставками *за-со-торить*, ср. *за-про-торить*.

Любопытно соотнесение на с. 46—47 донской казачьей фамилии *Шолоховы* и карбардинской фамилии *Soloxo* (*Sowloxo*, *Sawloxo*).

Рус. *шарпать* трудно отделить от польск. *szarpać*; во всяком случае аланское происхождение (см. с. 83) здесь сомнительно.

Проблематично сближение ст.-слав. *сырьь*, лит. *sūras* 'соленый' и осет. *sūr/sor* 'сухой' (с. 170), так как осетинское (иранское) соответствие ожидалось бы с начальным *x-* из *s* этимологического. Точно так же осет. (дигор.) *suxæ* 'сухой' (с. 176) обозначается как «скифо-славянская изоглосса», иначе — «славизм» (исконно иранская форма — **hauš-*, **huš-* < и.-е. **saus-*, **sus-*). Поскольку нет как будто никаких указаний на древность формы, может быть, речь должна идти о заимствовании из рус. *сухой*, *сухо*?

Можно упомянуть произведение ст.-слав. *шоумъ*, рус. *шум* (и т. д.) из скифо-сарматского, конкретно — осет. *sym/sum* 'звук', 'шум' (с. 198). Осетинское слово объясняется, далее, из ир. **srauma-* от и.-е. **k'leu-* 'слышать', для славянского же вероятнее исходная опоматопея. Разветвленность гнезда *šumь, *šuma в славянском (также → 'лес') снижает здесь вероятность иранизма.

На с. 227 получает исчерпывающую этимологию весьма частотное слово нашей действительности — рус. *тамада*, осет. *tamada* 'распорядитель пирушки' — через адыгский и грузинский — из перс. *dāmad* 'зять', 'жених'. Интересующиеся дальнейшей ресторанной терминологией могут на с. 244 почерпнуть сведения о происхождении слова *табака* (например *цыпьята* ~) в конечном счете — из араб., перс. *iabaq*, *iabaqa* 'пласт', 'лист', т. е. '(жаркое) в распластанном виде'. Правда, русского слова автор не упоминает.

Рус. *суматоха* толкуется автором (с. 228) из *су-тамоха, основа которого якобы заимствована из осет. дигор. *tamasa* (стар. *tamaša*) 'зрелище', 'чудо'. Весьма проблематично.

В. И. Абаев вскрывает заметную скифо-славянскую изоглоссу, сближая осет. *taw/tawae* 'отава', 'трава, выросшая на месте скошенной в том же году' и слав. *otava, рус. (и т. д.) *отава* с общим корнем и.-е. **tu-*, **teu-* 'набираться сил, жиру' (с. 237—238).

Говоря на с. 279 о 'старой славо-арийской изоглоссе' на примере рус. *турить* 'гнать' — индо-ир. **tar-* 'переправлять(ся)', автор не задерживается при этом на отношениях вокализма, что было бы здесь лишнее.

Рус. *маскать, тащить*, до сих пор, кстати, удовлетворительно не объясненное, автор возводит к несохранившемуся *маска 'сумка' (с. 281). Думается, однако, что *маскать* — изначально глагольное (интенсивное) образование — *tas-k-ati, *tasati < **tōs-* < **tes-*: **tos-*, так что дело здесь не в сумке.

Полезна точная этимология др.-рус. *томара* 'стрела', рус. диал. *томар*, *томарка* 'стрела с костяным тупым наконечником' в связи с осет. дигор. *tomar*, арийск. **taumara-* 'стрела', 'дротик', 'копьё', др.-инд. *tomara-* 'дротик', 'копьё' (с. 299).

Вряд ли можно согласиться с членением (да и вообще реконструкцией) слав. *š-tava, *š-tavelь (с. 326), возможно только *ščava, *ščavь.

На с. 329 для ближайшего сравнения с осет. *tyl/tulə* 'мягкое место на темени новорожденного' так и просится рус. *тыл, за-тылок*. Равным образом для сравнения с осет. *tyrg/turgə* (дигор. — 'двор') (с. 341) напрашивается слав. *tьrgъ, обозначающее в некоторых славянских языках 'площадь'.

Здесь можно и остановиться, пожелав автору благополучного окончания словаря, который начал выходить уже более двадцати лет назад. Но как гласит осетинская поговорка (с. 221), «быстрая река не достигает моря». Следовательно, медленно, но верно текущая — обязательно достигнет.

О. Н. Трубачев

Etymologica Brunensia. Sborník oddělení historickosrovnávací slovanské jazykovědy. Kabinet cizích jazyků ČSAV. Praha, 1978 (ротапринт).

Этот сборник является первой публикацией сотрудников брненского этимологического коллектива, работающего над созданием «Этимологического словаря славянских языков» (см. Úvod). На базе разработки этой фундаментальной темы уже были, правда, изданы «Základní všeslovenská slovní zásoba» (1964 г.) и пробный выпуск «Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo» (1966 г.). Это собственно коллективные труды словарного типа, отразившие в своих общих принципах и конкретных решениях (особенно пробный выпуск) итоговое мнение редакции будущего словаря. Исследования, вошедшие в состав настоящего сборника, также выросли главным образом из работы над словарем и обнаруживают несомненное единство интересов и общность этимологических позиций авторов, но это все-таки, в отличие от упомянутых публикаций, исследования отдельных авторов, содержащие их оригинальные толкования, независимо от принятия их (или отклонения) редакцией словаря (см. Úvod). Кроме того, состав авторов сборника соответствует с о в р е м е н н о м у составу брненского этимологического коллектива, претерпевшего за истекшее время некоторые изменения. Почти все авторы сборника хорошо известны своими работами в области этимологии. Тем не менее сборник, объединяющий их новые исследования, представляет особый интерес как комплекс индивидуальных трудов членов одного коллектива, выявляющий специфику каждого автора и общее направление коллектива.

Сборник состоит из пяти статей и четырех небольших заметок (последние объединены в разделе Marginalia). Статьи посвящены этимологизации отдельных групп славянской лексики, выделенных по различным принципам. При этом уже тематика статей обнаруживает связь с традициями чешской этимологической школы, наиболее ярко выраженными в работах Й. Коржинека, В. Махека, Ф. Копечного. Так, статья Г. Плевачевой посвящена этимологизации названий растений — теме, которая получила глубокую разработку в монографии В. Махека «Česká a slovenská jména rostlin». В центре внимания статей Е. Гавловой и В. Шаура находится проблема этимологизации омонимов, которая, будучи одной из существенных проблем этимологии, приобретает специфическое значение в связи с методическими принципами чешской школы, опирающейся на требование семантического тождества генетически